

A movie poster featuring a man with a beard and dark hair, wearing a black suit, holding a young child with brown hair in a yellow shirt. To the right, a woman with long blonde hair and blue eyes, wearing a black off-the-shoulder top, looks directly at the camera. The background is a dimly lit interior with large windows.

СПАСИБО ЗА СЫНА

ЮЛИЯ ГЕТТА

ЕЛЕНА РАХМАНИНА

Елена Рахманина
Юлия Гетта
Спасибо за сына
Серия «Первая любовь», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68960073

SelfPub; 2023

Аннотация

– Я ведь уже сказал тебе, что это был порыв! Ошибка! Я всё равно люблю тебя, даже несмотря на то, что ты не можешь родить мне! Вжимаюсь спиной в диван, испытывая горькую смесь боли и разочарования. – Думаешь, мне легко? – голос ломается и переходит на хрип. – Не я же в этом виноват! Я здоров, со мной всё в порядке! – Но... Разве я виновата?... – Ну а кто?! После измены мужа случайная встреча с другом старшего брата перевернула мои планы с ног на голову. Он предложил мне в обмен на свою помощь фиктивный брак и ребёнка. А я по глупости решила, что это избавление от всех моих проблем.

Елена Рахманина, Юлия Гетта Спасибо за сына

Глава 1

– Есения Борисовна, – обращается ко мне Катюша, моя ассистентка. Смотрит на меня своими огромными голубыми глазищами как на богиню. Хлопает ресницами. Красивая, юная. – А каково это – быть вами?

Мою руки после операции, хмурясь. Не понимая её вопроса.

Я обычная. Работа. Дом. Муж. Работа.

Безуспешные попытки зачать. Слезы. Боль. Страх. Но всё это за скобками. Сторона медали, неочевидная для посторонних.

Здесь я Калугина Есения Борисовна. Папа, нарекая дочь, явно не рассчитывал, что я выйду замуж за человека с фамилией, совершенно не созвучной с моим именем.

Я прихожу в клинику и окунаюсь в проблемы людей. Забываю о себе. О Володе, который смотрит на меня со смесью жалости и тоски.

Встряхнула головой. Глупости. Всё получится. Будет ребёнок. Обязательно. Медицина не стоит на месте. Я врач.

Правда, офтальмолог. Но какая, к чёрту, разница.

– Ты о чём, Катюша? – улыбаюсь, пробуя скрыть замешательство.

– У вас муж такой красивый и загородный дом, – мечтательно сообщает, – я видела фото в журнале «Интерьер». И о вас в журналах пишут! Здорово, наверное, быть удачной на всех фронтах.

Опять колючий укол прямо в сердце. Стараюсь сохранить улыбку, но она выходит холодной и натянутой. До смерти хочется послать Катюшу куда подальше. Но это несправедливо. Девушка ничего плохого мне не сделала.

– Кать, у тебя тоже всё будет, – ободряю, желая избавиться от назойливого общества.

– Ой, Есения Борисовна, я как раз хотела отпроситься. Меня заменит ассистент Коровина, если вы не против. Простите, что в последний момент. Жених очень настаивает на встрече.

Девушка вдруг вновь выглядит нормальной. Влюблённой и воодушевлённой.

Боже, о чём я думаю? Это же Катюшка. Девчонка работает со мной год, а у меня в голове мысли одна противнее другой.

Порой превращаюсь в неудовлетворённую стерву.

Секс не так будоражит, когда его цель не удовольствие, а зачатие.

– Конечно иди. Нет проблем, – выдохнула, в глубине души не понимая, почему так тяготит внимание Кати.

Запираюсь в кабинете, надеясь отдохнуть перед предстоящей операцией.

Откидываюсь на спинку стула. Прямо на меня из стеклянной рамки смотрит муж. Беру в руки фотографию. Сделана недавно. Корпоративная фотосессия для сайта.

С Володей мы познакомились, когда я училась на первом курсе. Он чуть старше. Серьёзный. Взрослый. Такой правильный и основательный, что я сразу поняла – понравится папе. Маленькая девочка во мне, желающая угодить родителю, жаждала одобрения.

Нас свёл мой старший брат. Случайно. Пересеклись в парке, и с тех пор Володя от меня не отходил.

До сих пор утверждает, что я его первая и единственная любовь. Что, как увидел, понял, что перед ним будущая жена и других ему не нужно.

И я его полюбила. Не сразу. Порой думала, что у меня не сердце – льдинка. Но моя холодность его манила. Отказы – привлекали. Должно быть, для перспективного студента нефтегазового вуза я оказалась глотком свежего воздуха. Единственной, кто не бегала за ним, а, ради разнообразия, убегала. Правда, недолго. Ровно столько, сколько нужно, чтобы он не потерял интерес.

Потёрла ладонями лицо. Ещё одна операция – и домой. Усталость накатила неожиданно. Мышцы скручивало, тянуло. В глаза будто песка насыпали. И когда в последний момент позвонил пациент, сообщив, что у него высокая темпе-

ратура, я обрадовалась.

Вечером должны были встретиться с мужем в ресторане. Посмотрев на часы, прикинула, что до нашего свидания ещё есть время и могу заехать на дачу. Пока не поздно и есть шанс миновать пробки. В выходные забыла там свой ноутбук с научной статьей. И маялась от невозможности её закончить.

Володе нравилось, что я деятельная. Правда, меня задевало порой его отношение. Будто я аксессуар. Приложение к его успешному успеху. Не просто симпатичная женщина, но и добившаяся определённых высот в своей области специалист. Врач. А не какая-то там моделька, которых чаще всего выбирали мужчины его круга.

Только одной детали не хватало в нашей идиллии. Ребёнка. Пять лет прошло с тех пор, как мы решили, что готовы стать родителями. Сначала успокаивала себя. Убеждала, что так бывает. Кто в наше время может похвастаться, что зачал с первой попытки? Таких ничтожно мало.

Но год за годом надежды таяли. А страх и напряжённость увеличивались.

Единственное, что меня успокаивало, – поддержка супруга. Он ведь любит. Я знала это. Чувствовала. Володя был для меня тем, кто не давал сойти с ума в одиночестве. Утонуть в собственных страхах.

Бросила взгляд на циферблат на приборной панели. Успеваю. Но всё же прибавила газу. Мечтая скорее ощутить его

объятия. Вдохнуть родной запах. И на мгновение забыть о том, что я неполноценная.

Оставила автомобиль у обочины. Не хотелось терять ни минуты. Автоматические ворота последнее время заедали, а руки вызвать мастера никак не доходят. Отворила дверь калитки, испытав недоумение.

«Мерседес» мужа припаркован у входа. Странно. Что он здесь делает? Должен быть на работе.

Зима. Темнеет рано, и я заметила на втором этаже свет.

Сердце неприятно сжалось. Засосало под ложечкой от плохого предчувствия.

Голову посетила трусливая мысль. Может, уехать?

Но нет. Ноги сами понесли меня ко входу. Дверь оказалась незапертой. Сигнализация снята.

В нос ударил знакомый сладкий аромат духов. Женских. Таких приторных, что затошнило.

Каждый шаг вверх по лестнице давался с трудом. До меня доносились слишком понятные, вовсе не двусмысленные звуки. Мозг отключился. Верить не хотелось.

Может быть, Володя кому-то из друзей дал ключи? Такое простое и логичное объяснение.

Сглотнула слюну, ощущая, как она раздражает гортань. Слыша учащённое биение сердца, отдававшееся болью в виски.

Дверь в спальню тоже открыта. Хозяйку дома никто не ждал. Я ведь в больнице.

Вот и моя ассистентка тут. Верхом на моем муже.

Силы будто вытекли из меня. Припала к косяку, пытаюсь собраться, чтобы уползти отсюда. Но всё, на что меня хватило, – вцепиться пальцами в тёплую деревянную поверхность.

Почему они занимаются непотребством, а я думаю о том, как сохранить лицо? Как не выглядеть слишком униженной?

Коснулась щёк. Ожидала обнаружить собственные слёзы. Но ничего. Сухо. Даже странно.

Внутри образовался вакуум, вытеснивший все эмоции разом. Боль. Любовь. Привязанность. Оставив лишь скорбь по моим мечтам и надеждам.

Катюша, будто ощутив постороннее присутствие, обернулась. Вскрикнула, стыдливо пытаюсь прикрыться. Муж же, заметив меня, оттолкнул её, словно этот неблагородный жест покажет мне, что Катюша просто проводила глубокий офтальмологический осмотр. Не более. Соринка в глаз попала.

– Сень, это не то, что ты думаешь, – кинулся ко мне, слезая с кровати, оборачивая вокруг узких бёдер валявшееся рядом полотенце. Молодец. Помылся перед сексом. Интересно, а перед нашим свиданием он бы принял душ? Заметила бы я запах чужих духов? Как давно длится их связь?

Усмехнулась, услышав слишком тривиальные слова. Сколько мужчин, застуканных на месте преступления, их произносит?

Глава 2

Муж выводит меня в другую комнату, брезгливо отталкивая его руки. Будто они пачкают меня своими прикосновениями. Как едкой смолой, от которой потом не отмыться. Его полуобнажённое тело, которое я раньше считала красивым, теперь вызывает отвращение. Чувство мерзости. Оно поселилось у меня внутри. Не могу смотреть на Володю, слишком противно.

– Я всё тебе объясню, – доносится до моего слуха, будто сквозь вату. – Подожди меня здесь пять минут, и мы поговорим.

Поговорим? О чём нам говорить?

Всё, чего мне остро хочется в эту минуту – развернуться и уйти. Сесть в машину и уехать отсюда. Куда угодно. Далеко. Но вместо этого я почему-то согласно киваю. Даже сейчас правильная девочка внутри меня полагает, что я должна выслушать мужа. Хотя бы узнать причину. Почему он так поступил. Разлюбил меня? Или его любовь всё это время была иллюзией? Но как могла я так заблуждаться?

А может, это всё дурной сон? Вот-вот зазвенит будильник, я проснусь в нашей уютной постели, увижу, что Володя мирно спит рядом, и вздохну с облегчением.

Но, увы, происходящее слишком реально. Никакой это не сон.

Муж выходит из комнаты, оставляя меня одну. Я безотчетно подхожу к окну, обнимая себя за плечи. В доме тепло,

но я ощущаю мелкий тремор во всём теле. Сейчас Калугин оденется и пойдёт провожать свою любовницу. Другой машины рядом с домом нет, только его мерседес. Значит, они приехали сюда вместе. Подобрал её должно быть неподалеку от моей работы. Стоило представить такую картинку, как стало ещё дурнее.

А сейчас Володя вызовет Катюшке такси? Вряд ли оно приедет быстро. Конец рабочего дня, скоро начнутся самые пробки. И мне придётся ждать гораздо дольше, чем пять минут.

Снова обострённо чувствую своё унижение. От него тошнит. Становится плевать даже на правильную девочку внутри меня, хочется просто уйти отсюда. Но во второй раз увидеть любовников вместе – ещё более отвратительная перспектива. Поэтому продолжаю стоять у окна, не в силах заставить себя сдвинуться с места.

Вскоре из-за стены начинают доноситься шаги, приглушённые голоса, вызывая у меня новый приступ тошноты. Потом звучит приглушённый хлопок входной двери, и всё затихает.

Обессилено прикрываю глаза. Накатывает слабость, ноги подкашиваются. Добредаю до дивана и опускаюсь на него.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем возвращается муж. Входит в комнату уже в брюках и расстёгнутой на несколько пуговиц рубашке. Меня передёргивает от его вида. Мог хотя бы застегнуться полностью. Избавить меня

от кричащего напоминания о том, чем и с кем он только что занимался.

Вглядываюсь в его лицо. Такое знакомое и родное. Но в один миг ставшее чужим. Сейчас оно напряжено, но, к своему удивлению, я не могу отыскать на нём ни одного намёка на проявление чувства вины. Скорее раздражение.

– Ты зачем приехала сюда? Мы ведь договаривались вечером поужинать вместе?!

Да. Он действительно раздражён. Это открытие почти шокирует.

– Операция отменилась. Решила заехать, пока есть время, забрать ноутбук, – отвечаю я дезориентировано.

Володя тяжело вздыхает, прикрывает на мгновение веки. Потом присаживается напротив меня на корточки. Смотрит в глаза.

– То, что ты там увидела, – ничего не значит для меня. Это просто порыв, желание снять стресс, ничего больше. Я люблю тебя...

– Порыв?! – вырывается из меня истеричный смешок. – И часто ты так стресс снимаешь?!

Губы мужа сжимаются в тонкую линию, глаза сужаются, ноздри подрагивают. По этим деталям я безошибочно считываю его состояние. Он зол. Вот только совершенно не понимаю, почему? Если уж кто и должен злиться в этой ситуации, так это я.

– Не драматизируй, Сеня. Такое случается в семейной

жизни, тем более, когда не всё гладко. Это не моя вина, что у нас с тобой вот так...

Мои глаза расширяются, грудь стягивает болезненным спазмом. Не хочу верить, что правильно понимаю смысл его слов...

– Как – вот так, Володя?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Я очень хочу детей. Время идёт, почти у всех наших друзей уже по двое. Я устал от твоих бесконечных неудачных попыток забеременеть, это какая-то пытка, которой ни конца, ни края... Мне очень тяжело, Сеня, понимаешь ты это или нет?!

Я не верю, не верю своим ушам.

– И поэтому ты спишь с Катюшкой? Тебе от этого лучше?!

Он резко подскакивает на ноги, принимается ходить по комнате взад и вперед, нервно взъерошивая свои короткие волосы. Потом так же резко останавливается напротив меня и агрессивно выпаливает:

– Я ведь уже сказал тебе, что это был порыв! Ошибка! Я всё равно люблю тебя, даже несмотря на то, что ты не можешь мне родить!

Вжимаюсь спиной в диван, испытывая горькую смесь боли и разочарования.

– Думаешь, мне легко? – голос ломается и переходит на хрип.

– Не я же в этом виноват! Я здоров, со мной всё в порядке!

– Но... разве я виновата?..

– Ну а кто?!

Отстраняюсь, как от пощечины. Лёгкие горят так, будто их ошпарило кипятком.

Поднимаюсь с дивана и решительно иду к выходу. Мне здесь нечего больше делать, нам не о чем больше говорить.

Калугин больно хватает меня за локоть:

– Сеня, стой.

– Руки убери, – сквозь зубы цежу я, не глядя на него.

– Мы не договорили.

– Руки убери, я сказала!

Силой освобождаюсь от его хватки и быстрым шагом иду на выход.

– Ладно, остынешь, потом поговорим! – несётся мне в спину.

Вырываюсь на улицу, жадно вдыхая морозный воздух. Это не помогает. Почти. Сажусь за руль, срываюсь с места с пробуксовкой, остервенело вжимая педаль газа в пол.

Двигатель ревёт, веду машину на голых инстинктах. В голове пусто, в груди так и горит, в ушах звенит. Только бы никого не сбить...

Эта мысль отрезвляет, и я, наконец, сбавляю скорость. А затем и вовсе останавливаю автомобиль, чтобы немного отдышаться. Со стоном утыкаюсь лбом в кожу руля. Картинки их близости одна за другой всплывают в сознании против воли.

Тошно. Мне очень тошно.

Я испытывала чувство вины перед мужем за то, в чём на самом деле не виновата. Я почти научилась с этим жить. Была благодарна Володе за поддержку и понимание, за любовь, несмотря ни на что. Но даже не догадывалась, что на самом деле он тоже меня винит... К такому положению вещей я оказалась совершенно не готова.

Он ведь мог со мной откровенно поговорить. Предложить развестись, потому что хочет собственных детей. Об усыновлении Володя и слышать не хотел. Каждый разговор на тему приёмного ребёнка заканчивался скандалом. Для него ведь так важно оставить собственное ДНК... А теперь он утратил мою вину так глубоко, что я вдруг задумалась, какому мужчине может подойти неполноценная супруга? Вроде женщина, но этого недостаточно для семьи.

Иного выхода, как поехать домой и собрать свои вещи, не вижу. Его просто нет.

Но когда вхожу в нашу квартиру, понимаю, что не смогу. Не сейчас. Слишком больно. Настолько больно, что я не могу даже просто здесь находиться. Меня разрывает от нахлынувших воспоминаний, связанных с каждым квадратным сантиметром этого помещения. Хочется сорвать со стен фоторамки, разбить их, растоптать. Впрочем, устроить грязную истерику, со слезами и соплями не вышло даже перед мужем. А сейчас и вовсе ни к чему.

И я уезжаю. Сначала сама не знаю куда. Просто остыть, успокоиться. Принять анестезию, возможно... Дозу помощ-

нее. Да. Без этого мне не справиться.

Прикинув в уме варианты, понимаю, что их не так много. И прошу «Алису» проложить маршрут до нового ночного клуба. Катюша мне все уши про него прожужжала...

Интересно Володька вместе с ней туда наведывался? Строили из себя жениха и невесту, наверное, в окружении малознакомой толпы.

А я даже не то, что в клуб, на посиделки с подругами вырваться из-за работы не могла. Ночные заведения же представлялись мне местом для восемнадцатилетних девчонок. Впрочем, я и в юности в них не ходила. Папа считал, что проводить время среди нетрезвой толпы, развязно веселящейся под оглушающую музыку, недостойно приличной девушки. Но сейчас мне на это плевать. Сейчас – это как раз то, что мне нужно.

Дорогие читательницы, спасибо за тёплый приём, очень рады, что история зацепила.

Как вы считаете, сможет ли Еся простить мужа?

Глава 3

Ощущаю себя нелепо среди разношёрстной публики. Ярко одетых молоденьких девушек, пришедших сюда ловить рыбку. Большую и маленькую. Главное – платежеспособную.

Такие красивые, юные, местами неестественные, что на их фоне, в простом вечернем платье, я выгляжу блёклой и унылой. Кажется, я стара для подобных мест.

Усмехаюсь мысленно, внешне испытывая растерянность. Забавно. Выходит, в тринадцать лет я пропустила переходный возраст, чтобы окунуться в него в двадцать девять. Вместо юношеских метаний зубрила предметы, чтобы быть лучшей в классе. В школе. На олимпиаде. И вот сейчас вернулась к исходной точке. Бунта.

Папа не одобрит.

Но, может, он не всегда прав? Ведь Володьку он любит почти так же, как моего родного брата. Человек, умудрённый опытом, не заметил, что мой муж... нехороший человек.

Забравшись на барный стул – единственное свободное место в переполненном ночном клубе, осмотрелась ещё раз. Взгляд упёрся в девушку с грустными глазами, прямыми светлыми волосами, в тёмном платье. Я его должна была надеть на свидание с мужем. А сейчас свечу глубоким декольте в сомнительном заведении.

Внутри образовалась сосущая пустота. Я ведь не такая, я хорошая. Правильная.

Впрочем, к чему меня это привело? Отмела острое желание залезть обратно в кокон. Вернуться в нашу с мужем квартиру и делать вид, что ничего не произошло. Ведь именно этого он от меня ожидает.

Образцовая жена Есения Калугина не будет разрушать семью из-за ничего не значащей интрижки супруга. Да и разве это вина мужа, что жена бесплодная?

Бармен загородил моё отражение в зеркале за своей спи-

ной, улыбнулся, ожидая, когда я решусь сделать заказ. Стало тошно от собственных трусливых размышлений. Не хочу я существовать как прежде. В иллюзорном мире.

Вспоминая поведение мужа в последнее время, цепляюсь за странности, на которые раньше закрывала глаза. Его частые командировки. Косые и какие-то виноватые взгляды общих друзей. Может быть, они давно всё знают, жалеют меня за моей спиной? И только я ничего не замечала. Или не хотела замечать.

Сама же виновата. Это ведь я битый пиксель, портящий картинку, а не мой дражайший... идеальный супруг. Обеспеченный, подтянутый, красивый. Подругам на зависть.

Замерла, думая, какой напиток позволит мне скорее достичь небытия. Можно встать и уйти. А можно продолжить.

Рядом сидела пара подружек. Я подалась ближе к симпатичному бармену, который не скупился на улыбки и смотрел на меня так, будто я здесь самая красивая. Заслужил чаевые, хитрец.

– Мне то же, что и им, – кивнула на соседок, стараясь перекрычать музыку, бившую по моим барабанным перепонкам.

Через пару минут бармен пододвинул ко мне бокал на тонкой ножке. Внутри плескалось нечто вишнёвого цвета. Сделала глоток. Что-то фруктовое и лёгкое попало на язык. Благодарно улыбнулась бармену.

На третьем бокале нашла в себе смелость обернуться и

изучить окружение.

Терялась под взглядами незнакомых мужчин. Они смотрели на меня как на кусок мяса. Нырять глазами в вырез декольте с таким видом, будто моё немного фривольное платье – это знак. На меня можно пялиться и раздевать глазами. Здесь я не личность, а просто привлекательное тело. На одну ночь.

Одёргиваю себя от потребности чуть выше поднять лямки, чтобы немного спрятать предназначенный для мужа вид на декольте.

Вобрала глубже в лёгкие воздух. Держись, Сенька, ты сможешь. Ты не тряпка. И не побежишь прятаться за спину Калугина, который тебя обманул. Зная Володьку, он ещё попросит, чтобы я перед ним извинилась за своё плохое поведение.

Взгляд вдруг зацепился за знакомое лицо. Нахмурилась, понимая, что поймала его глаза лишь потому, что этот человек давно смотрит в мою сторону.

Он сидел далеко, окружённый своей весёлой компанией. Чистая случайность, что заметил меня среди всей этой бесноватой толпы. Сердце странным образом забилось чаще. И я резко оборвала наш зрительный контакт, ощущая смещение.

Глупость даже просто думать о нём. Рядом с ним сидит красотка, словно сошедшая с обложки журнала. Через минуту он забудет, что видел меня здесь.

И от понимания этого факта я досадливо прикусила губу, отворачиваясь. Вот наивная, неужели я поверю, что лучший друг моего брата внезапно обратит на меня внимание? Никогда ведь не обращал. Десять лет назад я была для него ребёнком. А сейчас... Наверное, вышедшей в тираж старой знакомой.

– Что такая красotka делает здесь одна?

Ощутила чужой, едкий парфюм, ударивший в нос и погасивший моё алкогольное опьянение на несколько градусов. Нашатырь работает не так быстро. Сглотнула, стараясь пока глубоко не вдохнуть.

Подкативший ко мне парень смотрел на меня расфокусированно. Один глаз за левое плечо, второй – за правое. Пару верхних пуговиц расстёгнуты, открывая вид на волосатую грудь. Просто Стас Михайлов местного разлива.

Только вздохнула, придумывая фразу, чтобы его отшить, как рядом раздался до боли знакомый баритон. Лёг сладким мёдом на мои барабанные перепонки, пробуждая внутри воспоминания.

Глеб вперил в меня тяжёлый взгляд. Я так и читала его немой вопрос: «Истомина, какого черта ты тут забыла?»

– Вали отсюда, она со мной, – рыкнул на незнакомца, которого через секунду и след простыл. Удивлённо наблюдаю, как парень теряется среди толпы.

Глеб оценил обстановку, забрался на барный стул и беспардонно пододвинул мой ближе к себе.

– Еся, – подался вперёд, окуная меня в аромат своего дорогого парфюма, от которого закружилась голова. Им хотелось дышать, чтобы прогнать из лёгких чужой запах, – что ты тут делаешь? Вот кого не ожидал здесь встретить, так это отличницу и примерную девочку Есению Истомину.

Глеб сверлит тёмными глазами, словно хочет забраться мне в голову. Закрыв своими широкими плечами ото всех. Меня за ним даже не видно.

Выпрямилась, чтобы не ощущать себя рядом с ним незначительной пылинкой. Его взгляд тут же прошёлся по моим ключицам, лёг во впадинки над ними и нырнул в глубокий вырез. Заставив сердце биться в два раза чаще. Судорожно вздохнула. Алкоголь в крови бурлил, взбивая её в пену.

– Может быть, ты ошибался на мой счёт и я не такая уж примерная? – улыбаюсь, храбрясь, хотя вовсе не испытывая этой храбрости. Лишь странный азарт рядом со старым знакомым.

Годы пошли Глебу на пользу. Он и раньше был красавчиком. Все мои подружки сохли по нему. Но сейчас... Что-то в нём бесповоротно изменилось.

Будто камень, обтёсанный временем и прибрежной волной. Стал жёстче, грубее. И вместе с тем приобрёл лоск, который отсутствовал ранее, учитывая, насколько бедной и неблагополучной была его семья.

К собственному стыду, ощутила, что мне нравится его шероховатость. Резкость, от которой я и в юности впадала в сту-

пор. Самый безбашенный из друзей моего брата. И самый нелюбимый нашими родителями.

Смотрит на меня сощурившись. Не веря словам.

– Может, мне брату твоему позвонить или папе, чтобы тебя забрали? – ухмыляется. Чую, что подтрунивает. Издевается, отлично зная, что я никогда не посещала таких мест.

Недовольно поджимаю губы. Хочется оттолкнуть его. И последовать за тем незнакомцем с едким парфюмом, лица которого я уже не помню. Просто назло. Супротив. Чтобы доказать, что я уже не та правильная девочка, что была раньше.

– Да пошёл ты, – сползаю со стула.

Но вместо того, чтобы ощутить пол под ногами, вдруг оказываюсь захвачена в плен его рук. Удерживает за талию, не позволяя двинуться.

Чувствую, как горячие ладони обжигают кожу даже сквозь ткань вечернего платья. Неожиданно, против здравого смысла, острое желание закручивается во мне спиралью, падая в низ живота.

Это всего лишь физиология. Животный инстинкт. Я запала на самого сильного в округе самца. Он здесь альфа.

Раньше никогда похожего не испытывала. Даже прикосновения мужа на меня не действовали подобным образом.

Поднимаю ошалелый взгляд на Глеба, хлопая ресницами как старшеклассница. Это наверняка всё воздействие алкоголя.

– Куда собралась, Истомина? – вновь напоминает мне о моей девичьей фамилии, пока его ладони греют мои рёбра. – Ты же пьяная в хлам.

Дорогие читатели! Спасибо огромное, что активно делитесь мнением в комментариях, для нас это очень важно! К сожалению, мы не успеваем всем отвечать, так как активно пишем продолжение, бросая на него все силы. Но мы всё читаем, и нам очень интересно, какие эмоции вызывает у вас история!

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и подписываться на авторов, чтобы получать уведомления о выходе глав и других новостях!

Глава 4

– Мне кажется, это давно не твоё дело. Я взрослая девочка, а не младшая сестрёнка твоего лучшего друга, – вжимаю ладони ему в грудь. Чувствуя кожей биение сердца. К моему удовольствию, довольно частое. – Возвращайся к своей компании. Тебя ждут.

Киваю в ту сторону, где находился его столик.

Глеб будто только что вспомнил про своих друзей. Поморщился, словно упоминание о них вызвало головную боль.

– Нет, Истомина, твой брательник не простит мне, если я допущу поругание твоей чести и пятна на вашей фамилии, – снова ленивая ухмылка ломает изгиб его губ.

Ловлю себя на том, что смотрю на них слишком долго.

Поднимаю робкий взгляд к глазам. Глеб Старовойтов. Моя запретная мечта. Тот, о ком не смела грезить даже в фантазиях, вдруг оказался рядом. Только почему именно сегодня?

– Вообще-то, я давно уже не Истомина, – отвечаю, не спеша выбраться из грубых объятий.

Ему это, конечно, известно. Не знаю, откуда, но, думаю, брат не стал бы скрывать свадьбу родной сестры от друга.

И всё же мои слова стирают ухмылку с его губ, делая её жёсткой и даже суровой.

– Знаю, – отвечает сухо. – Куда тебя отвезти? Я тебя здесь в таком состоянии в любом случае не оставлю.

А я не понимаю, какое такое у меня состояние. Ну подумаешь, выпила пару бокалов. И эта забота... Только её сейчас не хватало. Братскую любовь я могу получить и от брата.

Выскальзываю из объятий Глеба, стремясь дойти до гардероба.

Упс. Кажется, он прав. Я не рассчитала свои возможности. Каблуки утопали в кафеле, как в зыбучих песках. Шла, ощущая, какой нетвёрдой стала моя походка. Коленки мягкие, будто мои кости слеplены из пластилина.

Свет в фойе ослепил на мгновение. Господи, зачем делать его таким резким? Можно же выжечь себе сетчатку.

– Еся, – тяжёлая ладонь ложится на плечо. Оборачиваюсь, встречаясь глазами с Глебом. – Не дури. Я тебя отвезу. Мне так будет спокойнее. Извини, если задел. Я не хотел. Мы сто лет знакомы. Не могу же я оставить тебя в таком состоянии.

Вроде слова его правильные, логичные. Но мне становится до смерти обидно. Выходит, вся его забота основана на том, что я сестра его лучшего друга. Не более чем.

И в то же время он прав. Я пьяная. Когда последний раз я позволяла себе настолько расслабиться? Никогда.

Киваю.

Как только пальто оказывается на моих плечах, Глеб увлекает меня на улицу. Минуту мы стоим. Дрожь пробирает тело. Температура опустилась до трёх градусов. Тонкая ткань верхней одежды на подобное не рассчитана. Тело бьёт неконтролируемый озноб вкупе с алкогольным опьянением.

Глеб вдруг обхватывает меня руками, прижимая к своей груди.

– Так будет теплее, – сообщает обыденно, обдавая щеку горячим дыханием. А сам стоит в одном пиджаке, и я не совсем понимаю, кто кого греет.

Впрочем, киваю самой себе. Ну да, он ведь прав. Вдвоём теплее.

Но машина подъезжает через минуту. Не какое-то там заезженное «БМВ», а «Ламборгини Урус».

– Моя, – увлекает за собой, – пошли.

О. Мой. Бог.

Он ездит в автомобиле для тёлочек. Иначе эту «ламбу» не назвать.

Есть машины для свободных парней, которые двигаются с места с рыком и пробуксовкой. Есть типичные кроссоверы

для мужчин, на плечах которых забота о семье. Им нужно где-то прятать детские кресла и покупки на неделю вперёд. А есть вот такие автомобили – маячки для девушек. Эй, смотрите, я свободен, обеспечен и могу тебя покатать. И тебя обкатать.

Вот засада. Ведь хозяин «ламбы» наверняка привык возить девушек, которых можно развести на приятное времяпрепровождение, а не старых знакомых, с которых хочется стереть пыль.

Внутри просторно и даже уютно. Несмотря на сотни одноразовых знакомых, полировавших задом обивку сиденья до меня. И почему эта мысль так режет сознание? Неужели потому что я хотела бы оказаться одной из них?

Глеб сидит рядом. Без пальто. Видимо, ему некомфортно в верхней одежде. Да и зачем, если водитель готов подхватить его в любой точке Москвы, а автомобиль затем заедет в подземную парковку. И вопреки законам природы, я ощущаю жар его тела, греющий меня.

– Еся, – раздаётся спустя пару минут пути его голос, такой, словно Глеб уже давно хочет задать свой вопрос, – какого лешего тебя занесло в это заведение?

Передёргиваю плечами, вспоминая причину. Что-то холодное и склизкое расползается под рёбрами, обхватывая плечи, шею. Пачкающее меня, будто я ступила в грязную лужу, а она оказалась такой глубокой, что я увязла в ней по самую макушку.

– Я сегодня застала мужа с любовницей, – сообщаю, удивляясь, насколько спокойно и обыденно звучит мой голос.

По инерции кладу голову на мужское плечо. Не выпей я лишних бокалов, никогда не смогла бы так развязно себя вести. Более того, в юности я сторонилась и побаивалась Глеба. Что-то было в его тёмном взгляде, заставляющее обходить за версту. Злой, напряжённый. Будто всегда в состоянии низкого старта. Всегда наготове.

Но сегодня он выглядел иначе. Источал спокойствие, которого был лишён в юности. Только я не понимала, чем вызвана подобная перемена. Брат особо про него не рассказывал. Знала только, что они продолжают общение.

– И не хочу домой. Пожалуйста, увези меня куда-нибудь подальше. Только не туда, – прошу, запоздало понимая, что он не в курсе, где находится наше с мужем семейное гнёздышко.

Глеб выдыхает. Я отчётливо чувствую это щекой, которой прижимаюсь к его плечу. И мне хочется большего. Коснуться его кожи, пробраться пальчиками под рубашку.

Старый знакомый отчего-то замер. Откинул голову назад, прикрыв веки. Замечаю, как дёрнулся кадык. Как напряглись сухожилия.

Не представляю, откуда во мне появилось столько смелости, но я потянулась губами к его шее. Целую границу, где заканчивается щетина. Чувствуя, как он судорожно и резко вздохнул.

– Еся, – доносится дослуха сокращение, которым только Глеб меня называл. Другие предпочитали использовать «Сеня». – Ты пьяная.

Мне было плевать. Я хотела ощутить себя желанной. Нужной. Живой. Пусть даже это всё обман. Просто секс, ничего более. А Глеб так потрясающе пах, что мысли путались. Втянула глубже его запах, желая запомнить. Крепкий алкоголь, табак и дублёная кожа. Что-то древесное и мускулинное смешивалось с запахом свежей рубашки.

Дотронулась кончиками пальцев до его щеки. Щетина царапала кожу. Тут же представила, каково это – целоваться с ним. Муж всегда брился гладко, не позволяя себе небрежности. Будто это часть его высокого статуса.

Глеб же похож на человека, которому не нужно доказывать этот самый статус.

– Ну и что, – произношу, не понимая, какая разница, пьяная я или нет. – Я хочу тебя.

Резко вбирает в лёгкие воздух. Сжимает мою кисть, отодвигая.

– Нет. Не сейчас.

Хлопаю глазами, словно меня по щеке ударили. Жгучая обида растекается по внутренностям. К горлу подкатывает ком. Расплачусь перед ним – испытаю ещё одну порцию унижения. Судорожно сглатываю, резко отстраняясь от горячего тела, и утыкаюсь пустым взглядом в окно.

Господи, ненавижу мужиков.

– Еся, – Глеб касается моего плеча, но я рефлекторно уклоняюсь, словно мне неприятны эти прикосновения после отказа. И, вопреки этому, замираю, ожидая, что же он скажет. – Переночуешь у меня. Утром поговорим, хорошо?

Глеб убрал руку, должно быть сообразив, что я не нацелена на диалог.

Автомобиль нырнул в нутро подземной парковки, остановился неподалёку от хромированных лифтов. Мои реакции оказались запоздалыми. Даже не заметила, как Глеб обошёл автомобиль и открыл дверь с моей стороны. Подал руку, помогая мне выбраться.

Неуверенно вложила пальчики в его ладонь. Он сжал их, притягивая меня к себе. Словно знал, что без его помощи я не выберусь из авто. И уж точно не смогу идти.

Будто так и полагается, прижал меня к своему боку, удерживая от падения. Туфли на длинной шпильке покачивались, ноги никак не желали ровно ступить. Запутывалась в собственных коленках, словно оленёнок, только что вставший на ноги, силясь вспомнить, сколько же всё-таки я выпила вина.

Подъём вверх на лифте промелькнул вспышкой света. Просторная квартира встретила нас приятными ароматами. Пахло чем-то чистым и свежим. Обожаю чистоту.

Глеб стянул с плеч моё пальто. Туфли сами полетели в разные стороны. А я, движимая любопытством, поплелась вперёд рассматривать жилище. Ахнула, увидев огромные окна

от пола до потолка, открывающие вид на ночную, подсвеченную тысячами огней Москву.

– Еся, – раздалось позади. Только не поняла зачем.

Прильнула лбом к холодному стеклу. Всю жизнь мечтала о подобном виде. Словно весь мир у твоих ног.

За спиной тихо. Решила, что, возможно, Глебу надоело возиться со мной. Но спустя пару минут он снова позвал меня.

Обернулась недовольно. Стоял, держа в руках стакан с мутной водой и стакан с чистой водой.

– Это абсорбент. Выпей. Станет легче, – всматривается в мои глаза, будто ищет проблески разума. Вообще-то, я врач!

О чём ему вслух и докладываю, забирая стакан с мутной жидкостью. На вкус как крошенный мел. Давясь, выпиваю. Глеб тут же вручает мне второй, чтобы смыть изо рта противный привкус.

Отводит в туалет и мнётся у двери, словно хочет рассказать, как пользоваться унитазом. Захлопываю перед его носом дверь. Не знаю, что на меня нашло. Учитывая, что он здесь хозяин. А я напросившаяся гостя.

Выхожу оттуда спустя пару минут. Глеб ждёт, стоя у стены напротив, сложив руки на груди. Он ведь тоже пил! Почему же выглядит трезвым как стёклышко? Это так несправедливо!

– Пойдём, мелкая. Уложу тебя, – подталкивает вперёд. А я снова обиженно суплюсь, оказываясь в просторной комнате

с огромной кроватью, на которой можно спать лёжа вдоль и поперёк. Рассматриваю её пару минут, думая о том, что она больше всей нашей с мужем спальни.

– Ого, – прохожу дальше, почему-то подумав, что хозяин квартиры оставил меня одну, пытаюсь на ходу снять платье. Но руки совсем не слушаются, и я никак не могу поймать молнию на спине.

Вздрагиваю, почувствовав руки Глеба. Замерла, ощутив странное волнение. Никто кроме мужа не помогал мне раздеваться. Никогда.

Порадовалась, что под платьем на мне не то, что я обычно ношу – удобное бесшовное хлопчатобумажное бельё, а тонкое изящное кружевное. И чулки. Приготовила их с утра специально под вечерний наряд. Хотелось мужу угодить.

– Спокойной ночи, – рядом с ухом раздался тихий, хриплый голос. А пару мгновений спустя я вздрогнула от того, как громко закрылась дверь.

Глава 5

Мне снится очень милый сон. Мои юные годы. Тот самый день, когда я впервые увидела нового друга своего старшего брата у нас дома и безвозвратно влюбилась в него смешной детской любовью.

Глеб показался мне тогда таким крутым. Взрослым, сильным. Красивым. Мне очень хотелось поговорить с ним, но я стеснялась и отводила взгляд. А когда наконец осмелилась открыто посмотреть – друг брата мне улыбнулся. До сих пор

помню то волшебное захватывающее ощущение в груди от его улыбки...

Но яркий солнечный свет бьёт по глазам и беспощадно вытягивает меня из сладкого сновидения.

Жмурюсь, прячу лицо в подушку, пытаюсь скрыться от жестоких лучей и ещё хотя бы чуточку досмотреть... но слишком поздно. Сознание уже вернулось ко мне. И сон растворился окончательно.

Со вздохом разочарования распахиваю глаза. И прихожу в полное недоумение, оглядывая окружающую меня комнату.

Это не наша с Володей спальня. И даже не наша дача.

Кровать подо мной слишком огромна, подушка пахнет приятным, но незнакомым кондиционером для белья. Такой высоченный потолок... И окна до самого пола.

Ещё секунда требуется моему мозгу, чтобы восстановить в памяти обстоятельства, при которых я здесь оказалась. И я прихожу в ужас.

Господи, я же у Глеба дома! В его постели. В одном нижнем белье. Боже мой...

Рывком перемещаюсь в сидячее положение, одновременно натягивая на грудь одеяло. Испуганно прислушиваюсь, но вокруг царит идеальная тишина. Лишь голова у меня гудит. После вчерашнего. И во рту не самые приятные ощущения.

Вчера я застучала Володю с Катюшей на нашей даче. Муж мне изменил. С моей ассистенткой. И я не придумала ничего лучше, как поехать в ночной клуб и выпить. Чтобы по

закону подлости именно там и именно в этот вечер встретить свою юношескую любовь. После стольких лет разлуки предстала перед объектом своих девичьих грёз, так сказать, в лучшем свете. Ещё и приставала к нему в машине... Позорище...

Со стоном закрываю ладонями лицо.

В памяти всплывает насмешливый взгляд Глеба, направленный на меня. Ужасно стыдно. Вчера, когда застала мужа с любовницей, и то не испытывала такого унижения.

Ну и отмочила ты, Истомина!

Калугина, то есть. Но уже без пяти минут снова Истомина.

Придерживая на груди одеяло, бесшумно сползаю с постели. Рядом на прикроватной тумбочке стакан с ярко-оранжевой жидкостью и маленькая бутылка воды.

Не могу поверить своим глазам. Неужели Глеб всё ещё помнит, какой сок я люблю? Или это просто совпадение?

Взгляд падает на большой платяной шкаф, встроенный в стену. На дверце висит моё платье на плечиках.

От такой заботы старого знакомого чувство стыда начинает мучить меня с удвоенной силой.

Бросаю одеяло, быстро надеваю платье, опасаясь быть застуканной за этим занятием в любую секунду. Но, к счастью, квартира Глеба по-прежнему погружена в тишину.

Беру с тумбочки стакан с апельсиновым соком и практически залпом осушаю его, испытывая неземное блаженство. А после отвинчиваю крышку с бутылки и с не меньшим удо-

вольствием поглощаю обычную воду.

Похоже, Глеб знает толк в том, как облегчить похмельный синдром. От этой мысли меня снова пронзает стыдом. Господи, надеюсь, когда он принёс воды, с уголка моего рта не стекала слюна. На всякий случай потрогала подушку. Вроде сухая.

На скорую руку застелив за собой постель, выхожу из спальни с осторожностью заправского шпиона, оглядываюсь по сторонам, опасаясь столкнуться с хозяином квартиры. Но вскоре убеждаюсь – Старовойтова здесь нет.

Похоже, он ушёл. Возможно, срочные дела. Или желание избежать неловкого момента. Что ж, я прекрасно понимаю Глеба. Подумать только, вчера я предлагала ему себя! А он вежливо отказал. Несложно представить, какое нелицеприятное мнение он обо мне составил... Стыдоба.

Отыскав уборную, торопливо совершаю необходимые утренние процедуры и прихожу в полный ужас, поймав своё отражение в зеркале. Под глазами круги от размазанной туши, волосы растрепаны и торчат в разные стороны. Я просто какая-то жуткая панда с гнездом на голове! И хорошо, что Глеб ушёл. Мне тоже надо скорее уходить отсюда, пока он, не дай бог, не решил вернуться.

Может, мы ещё несколько лет не увидимся, а когда столкнемся вновь, он обо всём забудет. Ну или хотя бы сделает вид, что забыл.

И угораздило же меня вчера отправиться в один с ним

ночной клуб?

Наспех смыв жидким мылом остатки вчерашней косметики с лица, тороплюсь покинуть квартиру. Сердце стучит, как у воровки. Пальцы дрожат. К счастью, с дверным замком проблем не возникает, изнутри он открывается без ключа, и вскоре я уже еду в лифте на первый этаж, молясь не столкнуться с Глебом в лобби.

Достаю из сумочки телефон, не глядя смахиваю все уведомления с экрана. Сейчас не до них. Кое-как отыскиваю приложение такси. Давно им не пользовалась. Надо ещё забрать с парковки клуба свою машину... Но это позже, когда из меня выветрится алкоголь. А сейчас главное как можно скорее убраться подальше отсюда.

Такси привозит меня домой.

И наконец неловкость из-за конфуза с Глебом начинает потихоньку отпускать. Но вместо неё накатывает не менее противное чувство тоски. Тоски по моей разбитой жизни.

Не знаю, дома ли Володя. Обычно по субботам он часто уезжал на работу. Теперь неясно – на работу ли...

Но я отчаянно надеюсь, что эта суббота не стала исключением. И мужа дома нет.

Однако чуда не происходит. И когда я открываю дверь нашей квартиры, супруг встречает меня в прихожей. Стоит, опершись спиной на стену и сложив руки крест-накрест на груди.

– Где ты была? – хмуро интересуется он, как только я за-

хлопываю за собой дверь.

– Теперь тебя это не касается, – холодно отвечаю я, стараюсь придать себе независимый вид.

– Сеня, я волновался. Почему не отвечала на звонки?

– А ты звонил? Не слышала, – равнодушно пожимаю плечами я, сбрасывая с ног туфли.

Прохожу мимо него в нашу спальню.

Володя шагает следом, грубо хватая меня за локоть, рывком разворачивает к себе.

– Сеня, не надо так со мной!

Морщась от боли, отнимаю у него локоть. Мне открываются всё новые не самые приятные качества супруга. Раньше он никогда не позволял себе подобной грубости по отношению ко мне.

– А как с тобой надо? – со злостью интересуюсь я, испытывая искреннее удивление.

– Где ты была всю ночь? – повышает голос Володя.

Тоже злится. А я недоумеваю. Разве он имеет на это право?

– Гуляла, – пожимаю я плечом. – А что?

– Решила мне в отместку заработать себе репутацию шлюхи?

Ладонь ожигает. Сама не поняла, как ударила его по щеке.

Володя приходит в бешенство от моей пощечины, его глаза злобно сверкают. Хватает меня за запястье и сжимает до острой боли.

– В том, что произошло, есть и твоя вина, – цедит он. – И ты прекрасно это знаешь! Я думал, ты всё поймёшь, ты же умная, Сеня!

– Не смей меня трогать, Калугин, – цежу я в ответ, с презрением глядя в его казавшееся раньше таким красивым лицо, и кое-как вырываю из захвата руку. – Знаю, знаю, ты слишком страдал от моих безуспешных попыток забеременеть и нуждался в таком вот успокоении! Я уже поняла.

– Дело не только в этом.

– В чем же ещё, стесняюсь спросить?

– Я мужчина. И как любому нормальному мужчине, мне нужен нормальный секс. А ты... никогда особо не старалась, Сеня.

Прикрываю глаза, в очередной раз испытывая жестокое унижение. Значит, когда я отдавала ему всю себя, открывалась, доверялась в самых интимных моментах, я, оказывается, недостаточно старалась? И каких же, интересно, стараний ему не хватило с моей стороны? Володя, по крайней мере, всегда кончал. А вот я испытывала оргазмы исключительно с помощью своих пальцев и наедине. Но мне бы и в голову не пришло когда-нибудь обвинить в этом мужа. Надо же, мы прожили вместе столько лет, а я только сейчас узнаю, насколько разные у нас ценности...

– Мы разводимся, Володя, – устало констатирую я. – А пока не продадим и не поделим эту квартиру, я поживу в гостинице, если не возражаешь. Не могу здесь больше нахо-

диться. Просто позволь мне спокойно собрать необходимые вещи и уйти.

Челюсть супруга плотно сжимается, губы белеют.

– Никакого развода не будет, Сеня, – отрицательно качает он головой. – Ты моя законная жена, ею и останешься. Поняла?

Глава 6

На губах против воли появляется усмешка. Хотя чувства внутри разрозненные. Слишком многое случилось за последние сутки, чтобы я хорошо ориентировалась в происходящем в моей жизни. А похмелье ещё не успело выветриться из головы. Остававшейся тяжёлой и мутной. Благо сегодня выходной.

– Может, ты не в курсе, но твоего согласия на развод не нужно. Не хочешь идти в ЗАГС, я разведусь с тобой через суд, – продолжая растягивать губы в искусственной улыбке, докладываю то, что успела прочитать в интернете.

Совсем не узнаю своего мужа. Обычно мягкий и добрый, он на глазах трансформируется в незнакомца. Будто я смотрю фантастический фильм с Томом Харди, когда у героя проявляется вторая личина. Мерзкая и безобразная. Вот она мелькает на мгновение, а затем исчезает. И передо мной вновь знакомое мне лицо супруга.

– Нет, дорогая. Ты же знаешь, что для моей политической карьеры нельзя было показывать государству наше имущество. Или забыла, что всё, что мы с тобой нажили непосиль-

ным трудом, записано на мою родню? Ты останешься без гроша, – напоминает он мне старую отговорку.

Хмурюсь. Никогда не считала проблемой, что часть нашего имущества записана на свекровь и свояченицу, несмотря на натянутые с ними отношения. Просто в голову не приходило, что мой брак с Калугиным когда-нибудь завершится разводом. Хотя не очень понимала, зачем Володе скрывать нашу недвижимость. Её не так много. Загородный дом и квартира, в которой мы жили. Причём дом помогал строить мой папа.

Я вдруг вспомнила, что у меня даже мысли не возникло с ним посоветоваться насчёт идеи Володьки оформить дом на его мать. Тогда доводы мужа казались мне логичными, а сейчас я поняла, что угодила в ловушку своей наивности и глупости.

Противный холодок проходит по позвонкам к самому мозгу. Сглатываю слюну.

– Да, и если ты не в курсе, Борис Семёныч брал у меня займы. Некрасиво выйдет просить за день вернуть все десять миллионов. Как считаешь?

От этой новости становится ещё противнее. Не знала, что папа занимал деньги. Неужели у него проблемы в бизнесе?

Из-за нервного напряжения и похмелья в затылке пульсирует боль. Никогда в жизни больше не сделаю и глотка той дряни, что пила ночью!

– Ты не посмеешь, Володь, – глухо произношу, не веря,

что он способен так низко пасть, – мой отец тебя обожает. Ты же знаешь.

На глаза накатываются слёзы. Руки опускаются. Вдруг накрывает страх, что Володя меня просто сломает. Подчинит себе, заставляя смириться с его похождениями.

– Солнышко, – подходит он ближе, ласково вытирая слезинку со щеки, целует в губы, – не совершай глупостей. Трать мои деньги, как всегда делала. И не забивай голову ерундой.

Отшатываюсь от мужа, ощущая, как мерзко вдруг стало от его прикосновений. В нос ударяет такой знакомый запах терпкого одеколona. Я ведь сама его выбирала. А сейчас меня неожиданно от него тошнит. Воротит до отвращения. Вытираю детским движением губы. Будто меня обслюнявила тётка на мой десятый день рождения.

– Что значит, как всегда делала? Володь, не строй из себя олигарха. Мы вместе поднимались. Я тебе во всём помогала. Что за разговоры? – Беру себя в руки. Злость клокочет во мне, пузырится. Ещё чуть-чуть, и я просто взорвусь.

– Ты без меня ноль без палочки. Твоя работа в клинике – копейки по сравнению с тем, что я приношу в семью. А если нужно, я сделаю так, что завтра тебя там не будет. И ни в одну клинику в городе тебя тоже больше не возьмут. Куда пойдёшь? Поломойкой? А после того, как отец вернёт долг, и ему придётся побираться. Нравится такая перспектива?

Каждое слово будто удар под дых. Неожиданный, болезненный.

Что касается моей работы... Город большой, не знаю, как далеко может простираться влияние мужа, но, на худой конец, устроюсь в частную клинику. Володя прав, мой труд не так хорошо оплачивается, как его. Но меня всегда грела мысль, что я помогаю людям. А сейчас придётся изменить своим высоким идеалам. Но это не самое страшное.

Можно оставить Калугину и этот чёртов дом, который он уже испачкал своими интрижками, и нашу квартиру. Пусть забирает. Если бы на кону стояла только моя жизнь... Но папа. А вдруг ему станет плохо? Ведь у него и так проблемы с сердцем.

От этих мыслей я пришла в ужас. Должно быть, Володя что-то понял по моему лицу. Снова улыбнулся такой знакомой тёплой улыбкой. Как теперь я знала – фальшивой и лицемерной.

– У меня командировка. Я уеду на пару недель. А ты пока подумай над своим поведением. Потом расскажешь, с кем шлялась. Надеюсь, с подругой. Впрочем, кому ты ещё нужна, – с нажимом произносит.

Мне вдруг становится ясно, что он не верит в то, что я могла бы ему изменить. Надраться с подругой тоже не в моём стиле. Что уж говорить про мужчин.

Дверь захлопывается, заставляя меня вздрогнуть.

Стояла долго под душем. Из головы хотелось смыть всю информацию последних суток. Но больше всего отчего-то – неловкость, произошедшую с Глебом. Утыкаюсь лбом в хо-

лодный кафель. Боже, какой стыд. Может, прав Володя, и я действительно никому не нужна. Глупая клуша, спьяну возомнившая себя роковой. У Глеба, наверное, каждая первая выглядит как модель с обложки «Пентхаус». А тут я – жена чиновника среднего пошиба.

Слёзы сами накатываются на глаза, смешиваясь с водой. От горьких слов и угроз мужа. От страха за родителей. И снова – от стыда и разочарования в собственной жизни, которая вчера ещё не казалась такой паршивой, как сегодня.

Отъезд Володи пришёлся как нельзя кстати. Хотелось погрузиться в работу. Надеюсь, что Катюшка уволится. Но... Она взяла отпуск за свой счёт на две недели. Узнала об этом, сглатывая ком. Очередная пощёчина. Словно Володя меня дрессирует. Проверяет выдержку. Как далеко он может зайти, пока топчет меня.

Злость накрывает с головой. И даже несмотря на то, что я считала – это именно Калугин виноват. Ведь он соблазнил неопытную девушку, наверняка пообещав ей с три короба, но терпеть рядом ассистентку я больше не желала.

– Тамара Петровна, – после стука врываюсь в кабинет заведующей.

Она отрывается от созерцания монитора и, снимая очки, смотрит на меня, приподнимая бровь. Показывая своё недовольство тем, что я нарушила её покой.

– Что случилось, Есения Борисовна? – интересуется, тонко улыбаясь.

Меньше всего мне хотелось просить о чём-то заведования. Но выхода сейчас я не видела. Не знаю отчего, но она меня недолюбливала. Рыться в мотивах этой нелюбви не хотелось. Причин могло быть множество. Например, её сын, с удовольствием занявший бы моё место в клинике.

– Я бы хотела сменить ассистента.

Снова брови-ниточки взлетают на лоб. Он морщится тонкой гармошкой.

– А что вдруг случилось? – задаёт вопрос, который я ожидала и так не желала слышать. – Вы уже давно вместе.

Вводить посторонних людей в курс дела я не собиралась. Иначе завтра об измене моего мужа будут знать все. Говорить о том, что Катя некомпетентна, тоже не хотелось. Свою работу она выполняла сносно.

– Считайте, что не сошлись характерами, – резче, чем намеревалась, проговорила я, раздражаясь от необходимости объясняться.

– Боюсь, не получится, Есения Борисовна, – потеряв переносицу, сообщает заведующая, – за Екатерину просил довольно высокопоставленный чиновник. Поэтому уволить я её не могу. Вариантов для пертурбаций внутри отделения тоже не вижу.

Глава 7

Сидела как громом пораженная. Слабо понимая, какие интриги крутились вокруг меня. Как давно муж знаком с моей ассистенткой?

Неделю ходила в клинику, делая вид, будто всё в порядке. Пытаясь обрисовать для себя план действий. Сохраняя внешнее подобие нормальной жизни. Прежнего существования. Размеренного и понятного. Плача ежедневно в подушку.

Слёзы не прошли даром. За принесённое ими облегчение я платила красными, воспалёнными глазами.

Наконец нашла в себе мужество пересилить стыд и написала подруге-юристу, попросив о срочной встрече где-нибудь в городе.

«Не проблема, Есенёчек, а что за срочность?» – приходит от Лары эсэмэска.

Набираю подрагивающими пальцами ответное сообщение:

«Мне муж изменил», – и отправляю, будто боясь передумать.

«Вот чудак на букву «М»! Никогда мне не нравился. Сегодня в «Хаяте» в обед, ок?»

«Ок».

Высушила волосы. Краситься не стала. Окружающие как-нибудь переживут мой бледный вид. Натянула джинсы и толстовку и вызвала такси.

Подруга заняла столик около окна. Помахала рукой, приглашая. Стоило подойти, как Лара поднялась, порывисто обняла меня. Я как-то обмякла в её руках, выдыхая. Стало чуть легче. Потому что пока мне больше не с кем поделить-

ся проблемой.

Подруга долго смотрела мои документы, время от времени бросая на меня недоумённые взгляды.

– Н-да, Еська. Похоже, надо было давно провести с тобой лекцию на тему правовой грамотности. Я в шоке, честно, – поджигает губы, вздыхая.

И я понимаю – дело плохо.

– Я же его любила, не думала, что дойдёт до такого, – как-то жалко оправдываюсь, чувствуя себя маленьким несмышлёным ребёнком.

– Ох, детка. Семейные споры – самое грязное, что было в моей практике. Хорошо ещё, у вас детей нет, – произносит, и я тут же застываю. В груди колет от боли.

– Да нет, – глухо отрицаю, – были бы дети, до этого не дошло бы.

Лара смотрит на меня этим своим въедливым взглядом профессионала, щёлкающего человеческие судьбы как орешки.

– Глупая. Радуйся, что всё вскрылось сейчас. Такой, как Калугин, способен отнять детей не моргнув глазом.

– Да нет, – снова bleю, отчего-то пытаюсь защитить мужа. Или свои представления о нём. – Он хотел детей. Я не могла...

– Будут у тебя и дети, и мужик нормальный. Как говорится, первый муж – молочный, второй – коренной. А вот про финансы предварительно могу сказать, что всё весьма пла-

чевно. Я ещё посоветуюсь с коллегами, но обещать ничего не могу.

Подруга что-то ещё говорила и говорила. Пока моё сердце пропускало удар, чтобы забиться пойманной в силки птицей. Быстро, до боли.

Глеб. Стоял у барной стойки с каким-то мужчиной. Разговаривал с ним, но смотрел на меня поверх многочисленных посетителей известного в городе заведения.

Я давно ощущала странный зуд. И вот глаза сами его нашли. Тут же отвела взгляд, уставившись на свою тарелку.

Молюсь про себя, чтобы он меня не узнал. Ну а вдруг. В вечер нашей встречи я была накрашена и хорошо одета. Сейчас же меня словно через мясорубку прокрутили.

Зато Глеб... Высокий, статный и такой привлекательный, что от досады хотелось выть. Если бы и желала с ним встречи, то уж точно не сегодня.

– Что с тобой? Ты красная как свёкла. Тебе плохо? – Лара участливо кладёт руку, накрывая мою ладонь.

– Слушай, тут человек, с которым мне не хочется видеться. Ты мне потом пришли, сколько я тебе должна за обед, я переведу. Хорошо?

– Еся, судя по всему, ты беднее церковной мыши. Иди, я угощаю.

Тут же хватаю свою сумочку, надеясь незаметно выбраться из ресторана. И почти добравшись до цели, оказываюсь перехваченной. Чьи-то пальцы сжимают мою руку, резко

останавливая. По инерции едва не падаю, врезаюсь в Глеба. Поднимаю на него ошалелый взгляд, не веря, что он решил меня преследовать. Была уверена, что он тоже желает избежать неловкости.

– Снова сбегаешь, – констатирует с лёгкой улыбкой на губах, не думая меня отпускать. Но я всё же пробую выпутаться. И тогда Глеб разжимает руки.

Отхожу от него на почтительное расстояние, ощущая, как очередная волна стыда накрывает с головой.

– Слушай, я очень сильно напилась тогда. Всё, что произошло, – мои слова и поступки, это под действием алкоголя. Ты же знаешь, я не такая, – выпалила скороговоркой под его пристальным вниманием.

Взгляд Глеба тут же холодеет на пару градусов, заставляя поёжиться.

– Вот как, странно. – Его губы трогает улыбка, не сочетающаяся с выражением глаз. – А я думал, ты искренне хочешь досадить с моей помощью мужу-изменщику. Или он тебе не изменял?

Пытливо смотрит, словно мой ответ имеет для него какое-то значение.

Хуже всего, что он прав. Дураком никогда Старовойтов не был. И читает меня как открытую книгу. Отчего мне становится ещё паршивее, хотя, казалось бы, куда ещё больше.

– Не твоё дело, мои отношения с мужем тебя не касаются. Спасибо за ночь. – В кармане джинсов завалялась помятая

сторулевая купюра, которую я вкладываю в его пальцы: – Держи.

Вылетаю из ресторана, будто за мной черти гонятся, продолжая ощущать на себе взбешённый взгляд Глеба.

И не понимаю, что это на меня нашло. Почему я вдруг решила повести себя как полоумная стерва.

Пока стояла на улице, ожидая такси, на телефон пришло СМС с неизвестного номера.

«Истомина, ты правда считаешь, что ночь со мной стоит всего сто рублей?»

«Калугина», – тут же из вредности пишу в ответ. И отчего-то губы трогает улыбка.

«Пока ещё», – мгновенно всплывает новое сообщение.

Глава 8

Встреча с Глебом и его сообщения заставляют меня улыбаться всю дорогу домой. Это первый раз за последнюю неделю, когда я почувствовала себя чуточку легче. Забыла на время о предателе-муже и о том, какая я неудачница. Даже муки совести за мои пьяные выходки перед Старовойтовым уже не терзают так сильно. Подумать только!

Но моему приподнятому настроению не суждено продлиться слишком долго. Как только я заезжаю во двор, звонит папа. И приглашает на дачу, где родители обычно устраивают семейные посиделки. Нас вместе с Володей, конечно же. Точнее, не приглашает, а напоминает. Последнее воскресенье месяца – такая у нас традиция.

– Володя в командировке, папа, вернётся только через неделю, – упавшим голосом сообщаю я. – Внезапно уехал.

– Хм, как жаль, – недовольно отзывается отец. – Ну что ж, приезжай тогда одна. Перенести всё равно не получится. Твоя мать уже половину блюд на завтра приготовила. А у меня следующие выходные по минутам расписаны.

– Хорошо. Я приеду.

Сбрасываю вызов и тру руками лицо. Меньше всего хочется посвящать родителей в нашу с мужем ситуацию. Понимаю, что просто не смогу. Не готова. Особенно учитывая угрозы Калугина пустить меня и моего отца по миру. Пока не выясню, насколько они реальны, лучше не совершать резких движений.

Хотя делать вид, будто у нас с Володей всё по-прежнему, всё отлично и хорошо, тоже не слишком-то хочется. Может, прикинуться завтра больной и никуда не ехать?

Это было бы самым лучшим решением.

Но я терпеть не могу врать. Особенно родителям. Просто язык не поворачивается перезвонить и придумать отмазку. С детства такая черта характера, как честность, играла со мной злую шутку. И Арсений наверняка любил бы меня чуть сильнее, не будь я такой правильной. И не сдавай я папе все его похождения. Исключительно из-за переживаний за задницу старшего братца.

Про учёбу в университете и говорить нечего. Сколько бы я ни готовила шпаргалок, ни одной так и не воспользовалась

— не позволяла совесть.

Вот и сейчас практически ничего не изменилось. Я даже не могу взять больничный, как делают все мои коллеги, под благовидным предлогом выдуманной хвори.

Удивительно, как можно быть такой? Катюшка вон в глаза заглядывала, восхищаясь моей замечательной жизнью, и ничего её не мучило при этом. А я невинную ложь вслух произнести не могу.

Утром в субботу нечеловеческими усилиями воли соскребаю себя с постели. Заставляю принять душ. Сделать макияж. И натянуть улыбку на лицо. Сегодня мне придётся делать вид, будто в моей жизни всё по-прежнему прекрасно. Интересно, насколько сильны мои актёрские способности? Подозреваю, что они отсутствуют.

Долго разглядываю своё отражение в зеркале. Вроде бы ничего. Вчера не плакала, и красные прожилки на белках глаз уже не вызывают ассоциации со сценами из зомби-апокалипсиса.

Как-нибудь продержусь денёк.

Надеваю любимое шерстяное платье, в котором тепло и уютно даже в самую нелётную погоду. Распускаю по плечам волосы. На губы блеск. Побольше блеска. Отступаю на шаг от зеркала и оцениваю результат. А я ведь ничего. Очень даже ничего. Но... юная Катюшка, наверное, всё-таки лучше.

Бросаю косметичку на комод, ощущая, как разливается горечь в груди.

Выезжаю пораньше, чтобы не застрять в пробках. Дорога до дачи моих родителей занимает пару часов. И то лишь потому, что светофоры показывали зелёный свет. Она находится за пределами столицы, в деревеньке, где каждый сосед друг друга знает.

И вот я уже вдыхаю ароматы свежеприготовленной еды, которые источает родительская кухня, и обнимаю маму.

– Сеня, красавица моя, проходи! – сжимает она меня в ответ.

Из гостиной появляется отец. Целует в щеку, помогает снять пальто.

– Ох, Есения, не вовремя твой Володька, конечно, в свою командировку уехал, я ему такие сигары купил. И, главное, хоть бы позвонил, в известность поставил, что планы изменились.

– Наверное, он заработался и забыл, папа, – краснея от необходимости лгать, говорю я.

И силюсь изобразить улыбку. Выходит жалко. Впрочем, папа не замечает.

Мне хочется спросить у него, правда ли, что Калугин занимал ему деньги? Десять миллионов. Это ведь очень большая сумма. Зачем они могли понадобиться отцу? Неужели у него проблемы в бизнесе?

Но просто так спросить об этом я не могу, зная папин характер. Подобный вопрос будет воспринят как личное оскорбление. Отец слишком горд, чтобы обсуждать свои

проблемы с дочерью. Поэтому я так и не решаюсь, трусливо отложив этот разговор на потом. Время ведь ещё есть.

Иду с мамой на кухню, помогаю оформить блюда. Односложно отвечаю на вопросы о наших с Володей делах. Но мама сильно не мучает, быстро переключается на своё, рассказывает, как чуть не испортила пирог, перепутав сахар с солью, смеёмся.

На душе сразу становится легче. Я дома. Мои родители здоровы. Всё хорошо.

Потом она уходит в гостиную сервировать стол, а я остаюсь навести порядок после готовки и составить использованные чашки в посудомоечную машину.

Слышу трель домофона и чуть позже – голоса в холле, обрывки фраз. Самые громкие – мамы и папы.

– Здравствуй, сын!..

– Арсюшка!..

Ага, вот и братец пожаловал.

Интересно, с очередной из своих бесконечных девиц или один? Арсений у нас, в отличие от некоторых, никогда не стремился быть слишком правильным. Делал то, что ему нравится, и порой выводил всех своими поступками, даже я злилась на него. Но сейчас мне кажется, что я ему просто завидовала. Ведь брату не было нужды лезть из шкуры вон, чтобы считаться хорошим в глазах отца, его и так любили.

Голоса родных из холла плавно перемещаются по дому в сторону гостиной. Я не тороплюсь присоединиться к се-

мье. Продолжаю убирать посуду и протираю рабочую поверхность кухонного гарнитура. Медленно. Не спеша. Глупо, но пытаюсь максимально оттянуть момент.

– Вот ты где, Истомина.

Резко оборачиваюсь, вздрогнув. И весь воздух вышибает из лёгких.

Глеб.

Стоит в дверном проёме, опираясь плечом на косяк. Скользит по мне цепким взглядом, ухмыляется.

Глава 9

Что он здесь делает?!

Уж кого-кого, но его я точно не рассчитывала увидеть сегодня! Только не на семейных посиделках у родителей, это какой-то бред.

– П..привет, – кое-как отвечаю я, стараясь незаметно подобрать с пола свою свалившуюся туда челюсть.

Глеб небрежно отталкивается от косяка и делает несколько шагов ко мне, замирая в паре метров. Вызывая странные ощущения. Меня всю охватывает каким-то дурацким трепетом.

– Твой братеньник умолял меня спасти его от скуки на вашем традиционном семейном застолье, пришлось согласиться, – произносит Глеб с лёгкой улыбкой на губах.

Хлопаю глазами, зависая на широких мужских плечах и рельефном прессе, без труда угадывающемся под тонкой черной тканью. В джинсах и облегающей водолазке Старо-

войтов слишком сексуален.

– А-а-а... – Пытаюсь сформулировать вопрос, но способность складывать слова в предложения куда-то меня покинула.

Но моему собеседнику будто и не требуются никакие слова, чтобы понять, о чём я хочу спросить. Он словно читает мои мысли.

– Про тот случай я ему ничего не говорил.

Я киваю, заставляя себя перестать пялиться. Отвожу глаза.

– Спасибо. И не говори, ладно? Пожалуйста.

– Ну не знаю, не знаю... Если ты ещё сотку сверху накинешь, я подумаю, так уж и быть, – доносится до меня насмешливое.

Я возвращаю взгляд на Глеба, хлопая ресницами, как одна из моих пластмассовых кукол, которыми забит родительский чердак. Не сразу соображая, что Старовойтов подтрунивает надо мной. Похоже, мозг рядом с ним совсем обмяк.

– Да пошутил я, Еся, – мягко смеётся мой собеседник, так и не дождавшись от меня никакой адекватной реакции. – Конечно, я ему не скажу, не переживай.

Меня никак не отпускает. Растягиваю губы, пытаюсь изобразить нормальную человеческую реакцию на шутку. Глеб тоже демонстрирует идеальный ряд своих белых зубов. Улыбается мне. Или потешается. Не пойму.

– Ты как вообще? – спрашивает он, вдруг становясь се-

рѣзным.

– Прекрасно, – чувствую, как фальшивая улыбка трещит по швам. Привычка держать лицо не отпускает. У Истоминой, а потом и Калугиной всё всегда по плану. Всё ок.

Глеб недоверчиво выгибает бровь. Но ничего сказать больше не успевает.

В кухню заходит брат.

– О, Сенька, привет. – Он бесцеремонно вклинивается между нами и целует меня в щеку. – Как жизнь? О чем шушукаетесь?

– Привет, Арсений, – выдыхаю, наконец, я. – Всё замечательно, как всегда. А ты как поживаешь? – Беру со стола вазу с фруктами и сую ему в руки. – На вот, отнеси в гостиную.

Брат слегка прищуривается, сканируя меня внимательным взглядом.

– Точно всё хорошо у тебя?

– Точно, точно. Идѐмте уже к родителям.

Мама, как обычно, наготовила, словно на целую роту солдат. Мы подходим к столу, Глеб оказывается рядом со мной. Выдвигает для меня стул, помогая сесть, как истинный джентльмен. И занимает соседнее место, где обычно сидел Володя.

– Глеб, как давно тебя у нас не было! – восклицает мама. – Расскажи хоть, как у тебя дела? Чем занимаешься? Женился, поди, уже, детки, наверное, есть?

– Я тоже очень рад вас видеть, Вероника Павловна. Нет,

пока не женился.

– А что же так? – снисходительно хмыкает отец. Он, как обычно, не слишком ласков с Глебом. За прошедшие годы ничего не изменилось. – Вроде давно пора.

– Вы так считаете? Что ж, тогда я всерьёз задумаюсь над этим, – невозмутимо отзывается Глеб.

Я подавляю рвущийся наружу смешок. Мало кто осмеливается разговаривать с моим отцом подобным образом. Да, за прошедшие годы Глеб все-таки очень сильно изменился.

Мне становится очень любопытно, как папа отреагирует на его слова. На удивление, вместо ожидаемого мною раздражения я наблюдаю в глазах родителя мелькнувшее любопытство.

– Ты, наверное, как наш Арсений, предпочитаешь девиц перебирать? – с усмешкой произносит он. – Москва большая, всех не переберёшь.

Брат закатывает глаза, а Глеб остаётся поразительно спокойным, даже расслабленным.

– Нет, всех мне не надо. Мне нужна одна. Особенная, – заявляет он.

– Для настоящего мужчины не может быть ничего важнее семьи, – не унимается папа. – Правда, Есения? Вот берите пример с моего зятя. Нашел достойную девушку, женился, дочь за ним, как за каменной стеной. А вы так и будете болтаться туда-сюда, как мальчишки.

При упоминании о Володе моя улыбка мгновенно каме-

неет.

– Мы учтём, – беззаботно отзывается Старовойтов, откидываясь на спинку своего стула. А его ладонь будто невзначай ложится на спинку моего.

И я снова испытываю стыд перед Глебом. Зачем только я ему рассказала про похождения Калугина? Алкоголь – зло.

Комичная сцена. Мой отец ставит в пример мужа-изменщика своей дочери.

– Арсений, а где та девушка, кажется, Олеся? С который ты последний раз к нам приезжал? – спрашивает мама, по своему обыкновению переводя тему, чтобы направить разговор в мирное русло.

Внимание родителей плавно перетекает к брату, и я, наконец, выдыхаю. Не подозревая, что через минуту начнётся новое испытание. Из холла раздаётся звонок домофона.

– Мы разве ещё кого-то ждём? – удивленно спрашивает отец, глядя на маму.

– Да вроде нет, – пожимает плечами она, вставая со стула. – Может курьер. Воду привёз.

Мама скрывается в прихожей, и вскоре оттуда доносится радостный возглас:

– Ой, Володя приехал!

Глава 10

Мне хочется думать, что я ослышалась. Или это какой-нибудь другой Володя. Но другого в окружении нашей семьи нет. Тем более появлению которого так сильно обрадовалась

бы моя мама.

В желудке медленно сворачивается ледяной ком. Какой чёрт принёс сюда Калугина? Он вроде ещё неделю должен быть в командировке? Если я всё верно поняла, то сейчас он должен кувырнуться с лицемеркой Катюшкой. Пока я примираюсь с открывшимися реалиями своей новой жизни.

Мой дражайший супруг возникает на пороге гостиной с довольной улыбкой. Явно считает себя хозяином положения. Заявился в семью, где его любят и ждут, намеренно желая использовать этот рычаг давления на меня. За его спиной широко улыбается моя мама. Держа в руках букет причудливых ярко-жёлтых цветов в безвкусной упаковке. Подобные букеты Володя просто обожает преподносить всем подряд, по поводу и без. В том числе и мне всегда дарил такие же. Я люблю совсем другие цветы и не раз говорила об этом мужу. Но мои деликатные намёки ничего не меняли. А критиковать вкус мужа в открытую я не решалась. Не хотела его обижать.

Отец встает, чтобы пожать руку Володе, едва ли не сияя от счастья:

– О, а мы тебя не ждали! Какой приятный сюрприз! А как же твоя командировка?

– Вернулся раньше, чем планировал, и решил вас удивить!

Володя сама любезность. Дарит отцу коньяк. Жмёт руку Арсению, тот представляет ему Глеба как старого знакомого, о котором он, по всей видимости, забыл. Хотя мне отлично

известно, что они друг друга знают с юности. Другой вопрос, что друзьями они не являются.

Калугин одаривает того своей фирменной высокомерной улыбкой и протягивает ладонь, а во взгляде Глеба мне мерещится враждебность или даже презрение. Но всё же Старовойтов отвечает на рукопожатие.

В последнюю очередь супруг подходит ко мне, приобнимает за плечи, наклоняется и коротко целует в губы. Мне приходится применить всю свою выдержку, чтобы не утереться.

От его близости тошно.

– Привет, любимая. Это тебе. Я скучал, – произносит он и добавляет шёпотом на ухо: – Прости.

Вкладывает в мои руки плоский футляр, перетянутый золотистой ленточкой.

Все смотрят на нас. И я понимаю, что должна как-то отреагировать на слова мужа и врученный мне подарок. На секунду в голове мелькает шальная мысль послать его к чертям прямо при родных.

Но это будет скандал. А я пока не готова к подобному развитию событий. И даже не знаю, что пугает больше. Слезы матери или недоумение, неодобрение отца. Почему-то кажется, что он обвинит во всём меня.

С братом только всё очевидно – кинется бить морду Калугину, несмотря на дружбу, которая их когда-то связывала.

Но драка в доме родителей – не самое страшное среди мо-

их опасений. Из-за своей дурацкой трусости я ведь так и не выяснила, давал ли Калугин деньги отцу в долг. Чем грозит моей семье подобный скандал. Вдруг мне удастся решить вопрос с Калугиным миром?

Поэтому пытаюсь улыбнуться и посмотреть на мужа, будто ничего противного сейчас не произошло.

– Привет. Спасибо большое. Но не стоило тратиться, – отвечаю я сдержанно.

– Ты же знаешь, для тебя мне ничего не жалко, Сенечка, – елеённым голосом заявляет супруг.

Невольно вспоминаю, как он разговаривал со мной неделю назад, угрожая пустить по миру, и испытываю жуткий диссонанс. Степень лицемерия зашкаливает. Никогда бы не подумала, что мой супруг обладает такой вот чертой.

В его профессии качество, конечно, нужное, и мне доводилось наблюдать нечто подобное в рамках его работы, но... По своей наивности я даже представить не могла, что Калугин с такой же лёгкостью будет использовать этот навык по отношению к моей семье.

– Садись, Володенька! – радушно приглашает за стол мама. – Я сейчас поставлю цветы в вазу и принесу тебе приборы.

Володя оценивает обстановку за столом. Замечает, что его место занято Глебом. Недовольно хмурится, надувается индюком, словно готов выдворить его вон. Но всё же берёт себя в руки и садится напротив.

Вкусная еда застряла в горле. Я отрешённо наблюдаю за тем, как Володя переговаривается с мужчинами за столом, обмениваясь только им интересными новостями.

И вдруг чувствую, как пальцы Глеба принимаются поглаживать местечко между лопатками. Тепло его кожи греет даже сквозь платье.

Он ласкает меня незаметно для остальных. Такое ощущение, будто я преступница, нарушающая закон на глазах общности, но никто не обращает на это внимания.

Точно в замедленной съёмке поворачиваю голову в сторону Глеба, словно намереваясь услышать объяснение столь вопиющему поведению. Но выражение его лица оказывается непроницаемым. Спокойным. А меж тем пальцы продолжают меня поглаживать, пуская искры под кожу к мышцам.

Дыхание сбивается. Замечаю, что руки дрожат, когда я тянусь к бокалу вина. А Глеб всё рисует только ему известный узор. В какой-то момент добирается до обнажённой кожи шеи, слегка сдавив. Судорожно вздохнула, не понимая, что со мной творится.

Краска залила лицо. И когда мама сообщила, что пора переходить к десерту, я резко поднялась со стула:

– Я тебе помогу.

На кухне мама всучивает мне позабытый букет и просит заняться цветами. Подрезать стебельки и поставить в вазу.

– Ну покажи скорее, что там Володя тебе подарил? – воодушевленно просит она.

Равнодушно протягиваю ей футляр, который захватила зачем-то с собой. Будто намеревалась им обороняться от Глеба или выбросить в мусорное ведро.

Мама быстро срывает упаковку, извлекая из коробочки вычурное кольцо. Увесистое. Наверное, дорогое. Но тоже совершенно не в моём вкусе. Я такое не ношу.

А мама приходит в восторг:

– Какая красота! Дай-ка я надену его на тебя!

Приходится подчиниться. Потому что ни одной причины отказать ей не нахожу.

– Как же повезло тебе с мужем, Сенечка! Мы с папой не нарадуемся на вас! Ещё бы внуков нам поскорее родили, и счастьем нашему не было бы предела!

Мне кажется, эта неестественная улыбка намертво прилипла к моим губам. Искажая лицо. Превращая его в уродливую гримасу. Как я буду потом её оттирать?

Я ведь так и не решилась поделиться с мамой сокровенным. Словно скажу ей, и правда примет реальные очертания. Сообщить, что никаких внуков от меня не стоит ждать. Что моё тело дефектно. А я поломанная. Не хотела расстраивать, думала, что найдётся врач, который сможет подарить надежду, или ЭКО даст результаты.

– Ой, ну всё, Сень, занимайся цветами, потом завари чаю, а я пойду принесу сервиз и торт порежу. Володенька любит сладкое, я купила его любимую «Прагу».

Мама торопливо достает из шкафа посуду и убегает в го-

стиную.

Её неуёмное желание угодить моему мужу угнетает. Машинально снимаю с полки вазу, наполняю водой из-под крана, без осторожности пихаю туда букет. И ставлю на стол. На стебельки забиваю. Мне безразлично, как долго простоит здесь эта безвкусица.

Из гостиной раздаются голоса и смех. Мне до одури не хочется туда возвращаться. Делать вид, что всё в порядке. Изображать счастливую семью. Всё же надо обладать определёнными качествами, чтобы играть такую роль. Калугин с этим гораздо лучше справляется.

И Глеб – новая фигура на шахматной доске.

Чего он хочет? Что ему от меня нужно? Может, для него это авантюрное приключение – связь с замужней женщиной, которой изменил муж? Такая ведь не будет стремиться окольцевать столь завидного жениха, как Старовойтов. Очень удобно. И ему приятно, и забот меньше.

После предательства мужа уровень моего доверия к окружающему миру упал до нуля.

Невидящим взглядом смотрю на цветы и вдруг ощущаю знакомый зуд между лопаток. По телу прокатывается странная волна.

Резко оборачиваюсь и обнаруживаю позади себя Глеба.

В его руках несколько тарелок, которые он аккуратно ставит на столешницу рядом с раковиной. При этом неотрывно глядя на меня. Наверное, вызвался помочь маме убрать со

стола грязную посуду.

Я отворачиваюсь обратно к вазе, снова испытывая чудовищную неловкость и стыд. Надеюсь, Старовойтов ничего не станет говорить, просто уйдёт.

Но Глеб не уходит. Слышу его негромкие шаги. Вместо того чтобы отдаляться, они приближаются. И вот я уже ощущаю спиной тепло от очень близкого присутствия.

Со мной снова происходит нечто странное. Я замираю и даже бессознательно задерживаю дыхание. Но и не думаю отшатнуться или отойти.

– Только не говори, что ты его простила, – раздаётся над ухом бархатный баритон. В котором отчётливо слышится осуждение.

Глава 11

Рвано втягиваю воздух, вдавливая пальцы в столешницу. От шеи вниз по позвонкам проходит дрожь. И мне кажется, я даже не могу скрыть странной реакции на давнего знакомого.

Возникает ощущение, что ещё немного, и Глеб совсем сократит расстояние между нами. Моё тело так откликается на его близость, что я себе не доверяю. От страха хочется бежать.

Только интонация его голоса немного отрезвляет, вызывая возмущение.

Сколько лет мы не пересекались? Со дня нашей с Калугиным свадьбы точно больше не виделись. А до неё? Урывка-

ми, случайно, на днях рождения Арсения. И всё.

И вот спустя восемь лет он объявился в моей жизни и смотрит так, словно я ему что-то должна. Весь из себя такой правильный и взрослый. Будто лучше меня знает, что мне делать с моим браком.

Оборачиваюсь, закидывая назад голову, чтобы удобнее было видеть его лицо. Такой же высоченный, как мой братец. Приподнимаю в искусственном удивлении бровь, демонстрируя своё отношение к его вопросу. Весьма прохладное.

– Может быть, и простила, – произношу с вызовом, задирая подбородок, – это мой брак и мой муж. А тебя с чего вдруг это волнует?

Старовойтов кладёт руки на столешницу, по обе стороны от меня, захватывая в ловушку. Я тут же напрягаюсь, вытягиваюсь струной, боясь соприкосновения наших тел. Испуганно сглатываю слюну.

В любой момент в кухню может кто-то зайти. И ладно, если это будет мама или Арсюха. Они лишь посмеются. Мама – натянуто, брат – дразня. А вот если это будет муж – скандала не избежать. Чувства Володи меня мало волнуют. Скорее, я бы с удовольствием посмотрела на его физиономию, увидь он меня рядом с таким, как Старовойтов. Но не сейчас. Ещё рано.

– Истомина, ты чего такая дерзкая стала? – усмехается, не сводя глаз. Изучает меня, словно видит впервые в жизни

и ему очень интересна смена настроения на моём лице. — Ершишься так, будто я предлагаю тебе что-то непристойное.

Пялится, словно это самое непристойное вот-вот должно слететь с его губ.

— Отойди, — упираюсь ладонью ему в грудь, — сюда могут войти.

Опускает свои длиннющие ресницы, смотрит на мою руку. Губы гнутся в улыбке. Весело ему.

— Чёрт, тогда мне придётся на тебе жениться.

Похоже, Старовойтов решил проверить на мне, в обойме ли он до сих пор. Пользуется ли популярностью не только у девиц, которым на днях перевалило за двадцать. Но и у взрослых женщин. А я пока к таким играм не готова. Сердце и так кровоточит. Пущу в него Глеба, потом себя по кускам не соберу.

Замираю, услышав шаги в коридоре. С мольбой во взгляде смотрю на Глеба. И он, сжалившись, отходит на почтительное расстояние. Как раз в тот момент, когда порог кухни переступает Володя.

Муж переводит настороженный взгляд с меня на Старовойтова, замечая звенящую в комнате тишину. Хмурится, что-то там себе думает. Должно быть, прикидывает, есть ли между мной и Глебом что-то общее.

А я задаюсь вопросом. Почему Арсюха из них двоих продолжил дружить только со Старовойтовым. А Калугина будто вычеркнул из жизни. Ведь они неплохо общались какое-то

время. А потом всё. Как отрезало. Надо бы задать братцу пару вопросов.

– Есения, поздно уже, поехали домой, – предлагает Калугин, а у меня от его голоса все внутренности выстраиваются в очередь, чтобы выйти через рот. Аж выворачивает наизнанку.

Ощущаю на себе цепкий взгляд Глеба. И мне даже кажется, что он в любой момент готов броситься на Калугина и, пересчитав зубы, избавиться от парочки лишних.

Я растягиваю губы в подобии улыбки, не смотря на мужа. В моём взгляде слишком многое можно прочитать.

– Володя, ты поезжай, а я хотела у родителей на ночь остаться. – Забираю со стола принесённые Глебом тарелки и отворачиваюсь к раковине, делая вид, что старательно их мою. Хотя, вообще-то, надо бы забить ими посудомоечную машинку. Но мозг совсем не работает. Хочется только избавиться от Володи. И Глеба.

– Всего хорошего, – раздаётся голос Старовойтова. Ошарашенно оборачиваюсь, замечая, как он пожимает Калугину руку, нависая над ним, давя высотой своего роста. По выражению лица так и читается: вали отсюда подобру-поздорову, а то костей не досчитаешься.

Не ожидала от Глеба подобного поведения. Он что, сейчас реально выпроваживает моего мужа из дома моих родителей?

Калугин морщится, но пытается держать лицо. Смотрит

на меня зло, словно действительно ожидал, будто за ту побрякушку, что он мне презентовал, я его прошу.

Невольно сравниваю этих двоих.

Муж у меня очень привлекательный. Подтянутый, статный. Знает, насколько ему идут костюмы, и держит себя в форме, чтобы красиво в них выглядеть. Поэтому я отлично понимаю свою ассистентку, запавшую на него.

Но сейчас я ловлю себя на мысли, что он до боли мне напоминает принца из «Шрека», весь такой гладкий и напoмаженный, рядом с небритым и суровым Глебом.

Из мыслей выбивает голос брата. Он в свойственной ему манере души компании влетает в кухню, где все мы собрались. Окидывает нас удивлённым взглядом. И находит того, кого искал.

– Погнали, Старовойтов, если наелся маминых салатов, о которых так мечтал. Покажу тебе одно местечко.

Вновь приподнимаю бровь, бросая немой вопрос Старовойтову. Как он там сказал? Мой брательник умолял спасти его от скуки? Улыбка против воли расплзается по губам. Первой искренней за весь вечер.

Думала, ну вот наступил тот момент, когда я увижу сконфуженного Глеба. Но ничего подобного не происходит. Подмигивает мне, отчего у меня, как и в семнадцать лет, заходится сердце и алеют щёки.

Калугин топчется на месте, как позабытый пакет с мусором. Без поддержки моих родителей ему явно неуютно. А

брат, и тем более Старовойтов, не протянут ему руку помощи.

– Сеня, можно тебя на минутку? – напоминает о себе почти бывший муж, стоя в тени брата и Глеба. Посылает мне невербальные сигналы. Давая понять, что, если откажусь, ситуация для меня выйдет боком.

Киваю и следую за ним на улицу. Закутываясь в пальто.

– Любимая, прости меня, – Калугин заглядывает в глаза с выражением побитого щенка, вдруг сжимая мои плечи пальцами, словно боясь, что я сбегу от него прямо сейчас, – я был не прав. Я люблю тебя больше всех и не могу тебя потерять. С Катериной я расстался. Клянусь, больше подобного не повторится.

Опускаю глаза, изучая под светом вечерних фонариков брусчатку. Лишь бы Калугин не прочитал ничего по выражению моих глаз.

Вздыхаю, отбрасывая противную назойливую мысль о том, что этот брак ещё можно сохранить. Ведь это было бы правильно, разве нет?

Все мужья изменяют. Не все попадают. Эту истину до меня как-то донесла одна из подруг, случайно или нарочно прочитавшая переписку мужа.

– Я больше не буду заводить речь о детях и приму тебя такой, – добивает муженёк, – ты права, это не твоя вина, что ты не можешь родить.

Каждое слово – новый проворот ножа в моём сердце.

– Ты же знаешь, Сенечка, другого такого ты не найдёшь, – чуть сильнее сжимает мои плечи Калугин.

И я понимаю, о чём он. Володя повторяет ранее сказанные слова о том, что я никому не нужна. Не важно, какой я человек, привлекательная ли у меня внешность. Всё это уходит на задний план перед одним-единственным обстоятельством – я бесплодна.

Горькая улыбка кривит рот, когда я поднимаю глаза.

– Ты прав, Володя, – едко отвечаю, проглатывая ком, – только мне нужно обо всём подумать. Поезжай домой. Позже всё обсудим.

Калугин вглядывается в моё лицо, пробуя найти ответы на свои вопросы. Стараюсь придать ему доброжелательное выражение, но это даётся мне с огромным трудом. Потому что чем дольше говорил муж, тем сильнее мне хотелось развода.

Уж лучше быть одной, чем с таким.

– Хорошо, Сенечка. Надеюсь, ты будешь разумной. Про долг отца забудь. Конечно, я бы не поступил так...

Киваю, дожидаясь, когда он отойдёт от меня. И Калугин уходит, несколько раз оборачиваясь. Залезает в машину и вскоре скрывается за воротами.

Подарок мужа, как ошейник и поводок, давит на грудь. С трудом справляюсь с застёжкой и наконец стягиваю удавку. Тут же становится легче. Не удивлюсь, если обнаружу на коже раздражение. Минуту раздумываю, а не выбросить ли в кусты колье. К соседям или на проезжую часть. Но ведь Ка-

лугин может и его обратно попросить. Поэтому, предусмотрительно опускаю украшение в карман пальто. Деньги мне ещё пригодятся.

Отдышавшись, возвращаюсь в дом, застав парней на том же месте.

– Мелкая, а ты не хочешь с нами? – вдруг обращается ко мне Старовойтов, глядя в упор.

Глава 12

Арсений строит рожи, выражающие его отношение к этой идее. Явно не планировал разбавлять вечер посиделками с сестрой, но Глеб его игнорирует.

Задай он мне этот вопрос неделей раньше, я бы не раздумывая отказала. Но сейчас мне, пожалуй, нечего терять. Уверена, что под присмотром старшего брата я не наделаю глупостей.

Хотя сердце подсказывает, что пускаться во все тяжкие рано. Надо пережить бурю. Оформить развод, а потом уже кутить.

Но кто знает, что будет завтра? А я слишком часто в этой жизни отказывалась от развлечений.

– Если не помешаю вам, – пожимаю плечами, пытаюсь скрыть робость. – А куда вы собираетесь?

– А у нас ретровечеринка. Хотим заявиться на сельскую дискотеку. Местный диджей, мой старый знакомый, обещает поставить неистлевающую классику вроде Талькова. Как тебе идея?

– Боюсь, у меня с собой нет кожаной юбочки, и я могу не пройти дресс-код, – снова смеюсь, представляя себя в топики с «Титаником» и с залаченным начёсом на голове.

– Пойдём, сеструха, – Арсений обнимает меня своей лапшей, притягивая, – разберёмся на месте. Если что, скажем, что ты не с нами, и отправим домой.

Закатываю глаза.

Через пятнадцать минут мы уже переступили порог сельского дома культуры. Современные композиции сотрясали танцпол. Молодёжи было не так уж много. Местные двигались под биты не хуже, чем завсегдатаи в том ночном клубе, где я умудрилась напиться.

Тянула через трубочку колу, пока Арсений договаривался с диджеем сменить композицию. Последнего, похоже, не очень устраивал музыкальный вкус моего брата. Но наконец из колонок полилась старая песня с шумом дождя.

– Потанцуешь со мной? – Глеб протягивает ко мне руку.

Я теряюсь. Наверное, собираясь сюда, я ожидала чего-то подобного. Но меня всё равно терзает, что официально я замужняя женщина. И всё это не очень правильно. Пусть и вполне невинно.

Вкладываю свою ладонь в его распахнутую, и пальцы тут же сжимаются, пуская мурашки предвкушения по коже. Глеб выводит меня на заметно опустевший танцпол. И мы оказываемся в самом центре, подсвеченные разноцветными прожекторами.

– Знаешь, Есь, ты ведь мне всегда нравилась, – сообщает Старовойтов в лоб, стирая все мысли из моей головы, – только твоему отцу я не нравился. Ему не нравилось даже, что я с Арсом дружу. Что уж говорить про единственную и горячо любимую дочь.

Мы покачиваемся в такт мелодии. И на миг кажется, что я возвратилась в последние школьные годы. Только в то время я не танцевала на дискотеках, а зубрила уроки, готовясь к поступлению.

– Зачем ты это сейчас говоришь? – спрашиваю, заглядывая ему в глаза, пытаюсь что-то в них прочитать.

Шутит? Играет со мной? Смеётся?

– Затем, что я рад, что твой тупой муж совершил ошибку, и, возможно, у меня появился шанс.

Вот теперь воздух вылетает из лёгких полностью. Спотыкаюсь на месте, но Глеб поддерживает, не давая упасть. Опускаю взгляд на свои ноги.

– Глеб, столько лет прошло. Ты же совсем ничего не знаешь обо мне. Я уже не та девчонка, которую ты помнишь.

По его губам скользит улыбка.

– Так дай мне возможность тебя узнать, – его пальцы ласково проходятся по моей щеке к подбородку, – потому что мне кажется, что я всю жизнь сравнивал всех своих девушек с младшей сестричкой лучшего друга. И всё не в их пользу.

Глеб наклоняется ко мне. Ощущаю щекочущее дыхание на губах. Короткую заминку. Словно он даёт мне возмож-

ность оттолкнуть его. Качнулась вперёд и судорожно вздохнула, стоило его губам коснуться моих. Так аккуратно, будто он опасается, что я сейчас исчезну. А осознав, что я на месте, позволяет себе большее.

Одной рукой обхватывает мою талию, прижимая меня к торсу, вторую запуская в мои волосы. Запутываясь в них пальцами. И я тянусь к нему, испытывая щемящую в сердце боль. Тоскливую. Горькую. Сама не понимая, почему по щеке скатывается предательская слеза. Может, оттого, что вдруг приходит осознание, что, выходя за Калугина, я совершила жуткую ошибку.

Потому что поцелуй с Глебом нечто абсолютно иное. Новое. Необычное. Чувственное, глубокое и настоящее. Словно всё, что было до него, – искусственное и пластмассовое.

Совершенно опьянённая нашей близостью, я прижимаюсь к нему, желая углубить поцелуй. Слиться с Глебом. Ощутить его сильное тело.

Вздрагиваю, приходя в себя лишь тогда, когда в клуб возвращается современная музыка, от которой дощатый пол поднимается на пару сантиметров под давлением битов.

Глеб уводит меня в тёмный угол, явно планируя продолжить. Не знаю, где брат. Да и неинтересно. Он давно взрослый мальчик.

Старовойтов вжимает меня в стену, целуя шею. Я прикрываю глаза, отдаваясь ласкам. Плавлюсь от каждого соприкосновения нашей кожи. И несмотря на то, что не выпила ни

капли, испытываю опьянение.

– Знаешь, Истомина, – Глеб улыбается, глядя на меня блестящими в темноте глазами, – только не смейся. Но мне всегда нравилась твоя семья, хотя я ей не очень. Отец, который готов выдрать глотку любому, кто покусится на ваш с Арсюхой покой. Мама, с которой рядом тепло находиться. У меня никогда ничего подобного не было. И я всегда вам жутко завидовал. Я бы тоже хотел дожить до лет твоего отца и смотреть на жену таким же взглядом. И любить общих детей. Двоих, троих – сколько бог пошлёт.

Слова медленно долетают до моего сознания. А когда оказываются на месте, я разбиваюсь на тысячи осколков. Бьюсь, ломаюсь, как одна из маминых любимых чешских ваз. Раз – и весь пол в стеклянных крошках.

Жмурюсь, опуская лицо.

Боль расплзается по телу. Такая сильная, что мне кажется, я не выдержу. Хочется кричать. Выть.

Кусаю губы, поднимая взгляд на Глеба.

– Знаешь, Старовойтов, – улыбаюсь ему, кривя губы, – у нас ведь с тобой никогда ничего не получится. Я мужа люблю.

Произношу и впервые понимаю – вру. Нещадно вру. Потому что от той любви не осталось и следа. Да и была ли она? Или симпатия плавно перетекла в привычку, а я, просто не зная ничего иного, спутала чувства?

Отталкиваю Глеба и несусь к выходу, ощущая, как глаза

застылают слёзы. Горькие, мешающие дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.